

Послеобеденное время было выделено на подготовку к презентации, которая должна была состояться в конце семестра. Ученики были предоставлены самим себе, и единственным требованием были встречи с руководителем не реже одного раза в неделю.

Утренние занятия стали более непринуждёнными и неформальными. Не было тестов, к которым нужно было готовиться, и учителя не задавали домашних заданий. Вместо этого они обсуждали темы, которые прошли ранее, но рассматривая их с другого ракурса.

Что бы вы сделали, участвуя в битве за проигрывающую сторону?

Чем объясняется то, что поля арканума были главенствующим способом измерения магии, а не «напряжённость решётки» или «топография точек»?

Почему министерства более эффективны, нежели демократическая форма правления, установившаяся у многих соседей Ранвара?

Идея заключалась в том, чтобы дать ученикам более полное представление о каждом предмете. Ник рассматривал это скорее как способ убедить учеников в том, что у предвзятости в методиках их обучения была уважительная причина. То, что вам выдавали только часть фактов, не имело значения, если сказанное вам было правильным, а несказанное — нет.

Во время обсуждений Ник в основном молчал. Он совершил ошибку, высказав своё мнение, когда его вызвали, и та беседа было довольно резко остановлена. Нецелесообразно указывать на изъяны в доводах, если эти изъяны, в первую очередь, и были основой этих доводов. Его вклад в урок стал кратким и нацелен в том направлении, куда учитель явно пытался вести класс.

Идея поощрять учеников думать самостоятельно и смотреть на предмет с разных ракурсов была, в общем-то, хорошей. Но Ник не нуждался в подобном поощрении, особенно если оно подталкивало рассматривать под всеми возможными углами, пока вы не вернётесь к самому первому.

Занятия Нику были не очень интересны, но они давали ему время подумать и рассмотреть его возможности. Ему, как и всем остальным, нужно было делать презентацию, но он не рассматривал её как нечто крайне важное. Причины быть лучше всех ушли в прошлое, и он столкнулся с необходимостью делать всё, чтобы учёба значила хоть что-нибудь.

— Сегодня такой прекрасный день, — сказал мистер Денкне. — И тратить его, сидя в этой комнате и уткнувшись носами в учебники, кажется ужасным, не так ли?

Стиль обучения Денкне никогда не был традиционным, но он стал выдавать менее вопиющую ложь — по крайней мере, насколько мог сказать Ник. Его слова часто были саркастическими или бестолковыми, но в них не было той дезинформации, которую он выдал в первый раз. Ник до сих пор не вполне понимал причин его странного поведения, но урок Денкне по анализу арканума был единственным, где Ник оставался полностью сосредоточенным.

— Что скажете, если мы пойдём на улицу и попытаемся лучше понять, что такое арканум, любуясь небом? — Денкне разгладил его белые волосы, которые на этот раз не были подвязаны лентами. — Кто знает, какие тайны могут раскрыться при помощи плывущих облаков.

— На небе нет никаких облаков, сэр, — сказал Брилл. Он всегда стремился принять участие в любой теме. По мнению Ника, он всегда чувствовал себя как рыба в воде, разговаривая с учителями, даже когда они были такими же странными, как Денкне.

— Вы уверены? — спросил Денкне, растягивая слова, как будто загадывал дразнящую загадку.

Брилл наклонился в сторону, чтобы посмотреть в окно, а затем вернулся в вертикальное положение.

— Да, сэр. Это ясное голубое небо без малейшего намёка на водяной пар.

Денкне печально улыбнулся и покачал головой.

— Сегодняшняя молодежь... никакого духа приключений. Имеет ли на самом деле значение, есть облака или нет? Эта одержимость «фактами» заведёт вас в никуда.

— Могу я задать вам вопрос, сэр? — сказал Брилл. — Это связано с уроком.

— Честно говоря, я бы предпочёл, чтобы он связан не был, но вперёд, задавайте свой вопрос, мистер Эпстим.

— Ваши слова о фактах заставили меня задуматься, почему демоны так зациклились на правде. Всё, что я когда-либо читал о них, указывало, что правда для них важнее всего. Можно сказать, что они одержимы ей.

Ник на своём стуле напрягся. Брилл знал о небольших приступах лжи Денкне. Они решили не противостоять ему в этом, — или, скорее, Ник сказал другим этого не делать, и они с ним не спорили. Брилл определённо пытался спровоцировать какой-то ответ на этот вопрос.

Ник не то чтобы запрещал им это делать. Он просто знать не знал, каковы будут последствия провокации мага. По его оценке, для них будет безопаснее и не узнавать. Но если кто-то решится рискнуть, то вряд ли ему было уместно останавливать его. Кроме того, у него были все шансы научиться чему-то от жертвы смельчака.

— Одержимость, — сказал Денкне. — Да, можно так сказать. Это не особенно сложно понять. Не то чтобы они почитают правду — скорее они научились использовать правду в своих интересах. Это форма силы, а кто не будет рад завладеть силой?

Было интересно, что Денкне говорил о демонах как о настоящих и реальных, а не о почти мифических сущностях, которых никто не видел последнюю тысячу лет. Ник задавался вопросом, сказал он так специально или это была простая оговорка.

— Правда — это сила? — спросил Брилл. — Это как знание — сила?

— Не совсем. — Денкне встал, подняв карандаш со своего стола. — Карандаш. — Он медленно произнёс это слово и передвинул карандаш, чтобы все могли его увидеть. — Карандаш.

Он сел на край стола и положил карандаш за спиной, где его не было видно. Он скрестил руки на груди.

— Карандаш. Что вы представили? Вы представили карандаш, верно? Возможно, тот, который я показал вам, возможно, похожий на него, но вы видите то, что я хочу, чтобы вы увидели. Язык во многих отношениях — своего рода магия.

Он сделал паузу, чтобы лёгкое замешательство пропитало комнату. Разумеется, все понимали, что он говорит, но они не могли понять, зачем он это говорит.

Он обернулся к столу и поднял перьевую ручку. Он поднял её, чтобы показать всем. Она была большой и чёрной, не похожей на ту, что лежала в кармане Ника.

— Карандаш. Карандаш. — Он сказал это дважды медленно, а затем положил ручку за спину. — Теперь, когда я говорю «карандаш», что вы представляете?

В классе зашумели.

— Не заикливайтесь на вопросе — я уверен, вы все знаете, что такое карандаш. Смысл того, что я делаю, заключается в том, насколько легко посеять сомнение. Даже когда вы знаете правду, вас можно заставить подвергнуть себя сомнению, задуматься о том, чтобы позволить определению другого человека вытеснить ваше собственное. И не исключено, что у меня бы даже получилось убедить некоторых из наиболее слабоумных среди вас, что это... — В его руке, словно по фокусу, появилась ручка. — То же самое, что и это. — В другой руке появился карандаш.

Шум усилился, но реального понимания того, на что намекал Денкне, не было. Ник был слишком хорошо осведомлён о том, что делалось, и от этого ему было очень неудобно.

— Что нужно, чтобы убедить вас в неправде? Небольшое запугивание? Немного пыток? Может,

немного арканума? Есть множество способов сломить разум человека, разбить его напополам, чтобы он увидел то, что вы хотите, чтобы он увидел. «Истины» нет, есть только твоя правда и моя правда. Мы можем делиться ими, мы можем держать их отдельно, а если мы ослабим бдительность, то можем потерять их. Теперь вы понимаете ценность правды, мистер Эпстим?

Брилл положил руку на подбородок, сжав его так, что его губы сморщились, пока он обдумывал то, что ему сказали.

— Ценность правды... зависит от того, чья это правда?

— Именно, мистер Эпстим. Вы улавливаете очень быстро. Гораздо быстрее демонов, к счастью для нас. Да, если вы упускаете из виду правду, вы становитесь уязвимыми. И как часто мы лжём сами себе, желая, чтобы ложь была правдой? Родители, которым говорят, что их ребёнок — хулиган и олух, но отказываются в это верить. Глава министерства, убеждённый, что в тенях скрываются враги и плетут интриги. Как легко подтолкнуть эти убеждения так, как вы посчитаете нужным. Если у вас есть сила и склонность.

— И демоны использовали это, чтобы создать магию? — спросил Брилл.

— Нет, нет, не демоны. Они не знали, что они одержимы. Это обнаружили мы. Благодаря этому мы создали дверь, чтобы через неё прошли демоны. Вон, вон. — Денкне сомкнул ладони, и ручка с карандашом исчезли. — Вы не можете думать о демонах так же, как вы думаете о людях. Демоны необъяснимы, мистер Эпстим. Демоны рождаются из камней, света и воздуха, как люди рождаются из матки.

— Они подобны духам, но они не духи; подобны душам, но душами они не являются. Может быть, они обладают той же иллюзорной сущностью, что и человек, однако, возможно, всё, что имеет её — дерево, камень или растение — является живым. Живому не требуется дыхание и еда, ему нужно просто быть. Вы существуете — вы живёте. И затем вы не существуете, и затем вы мертвы. И даже в этом случае вы, может быть, просто существуете где-то в другом месте.

— Но как нам удалось победить их? — спросил Брилл.

— Возможно, мы этого не сделали. Мы, ранварцы, такие особенные? Мы совершенно уникальные и превосходим всех прочих? Мы — единственный из всех народов, который достиг господства над арканумом. Мы насмехаемся над нашими более слабыми соседями, но кто мы такие, чтобы претендовать на божественную силу? Эти вещи никогда не заканчиваются простым поражением или победой.

Слова Денкне слегка выбили из колеи класс. Они никогда не слышали, чтобы учитель говорил таким образом.

— По вашим словам кажется, что они боги, — сказал Брилл, его голос стал гораздо тише, как будто он боялся, что его услышат.

— Боги? Нет. Они не принимают ни богословия, ни божественности, ни веры, ни этики. Они не создают, потому что всё создание завершено. Они не судят, потому что ничто, что является истинным, не может быть неверным. Когда демоны впервые пришли сюда, они прибыли с огромным количеством силы. Богам подобные, как можно было бы сказать, но не боги. — Денкне улыбнулся, как будто подумал о чём-то невероятно забавном, но чем не мог поделиться. — Они могли изменять окружающее их, чтобы быть тем, чем пожелают, но у них не было понятия слов. У них был язык, но их разговоры состояли из гор и долин. Буквально. Лес вырастет и умрёт — и это будет простой формой приветствия. Великие тонкости слов и идей, историй — вот что позволило нам встретить их как равным, хотя мы, безусловно, таковыми не были. Это позволило нам... убедить их, чтобы они поделились своей силой.

Ник уловил колебание, увидел сокрытое слово. Денкне собирался сказать «обмануть». Демонов обманули, чтобы они поделились своей силой. Едва ли признак божественного, но явная причина негодования.

— У историй есть сила? — спросил Брилл.

— Конечно, — сказал Денкне, раскинув руки. — Что может быть более могущественным, чем создание вашей собственной реальности и приглашение в неё других? Видеть её, жить ей, быть в ловушке внутри неё, не в силах избежать прихотей автора. Многие люди умерли, слушая хорошо рассказанную историю.

Класс был тихим, раздумывая о том, что сказал Денкне.

— Знаете, — сказал Денкне, — я обожаю эти небольшие беседы. В Королевском колледже у вас не будет возможности поговорить о таком. Все уже всё знают. Здесь я чувствую, что делюсь чем-то особенным. Открываю вам глаза на новые возможности. А теперь давайте посмотрим на облака.

— Там всё ещё нет облаков, сэр, — сказал Брилл.

— Вы уверены, мистер Эпстим?

Брилл наклонился к окну.

— О, кажется, я вижу одно.

Ученики взволнованно бормотали, как будто произошло что-то невероятное, но это с такой же лёгкостью могло быть безобидным изменением погоды. Денкне сидел на столе, постукивая ручкой о карандаш.

◇□◇□◇

— Я уже добился большого прогресса, — сказал Фанни за обедом. — Теперь, когда у меня есть руководитель и куча оборудования, я чувствую, что я на правильном пути.

— Как интересно, — сказал Даво. — Пожалуйста, расскажи нам побольше о специальных винтах, которые ты получил. Я слышал, что тридцатимиллиметровые гораздо лучше шестидесяти.

— У твоего отца есть отдел аппаратного обеспечения, я прав? — сказал Фанни, уличив момент между пережёвыванием пищи.

— Если под «у твоего отца» ты имеешь в виду «Конолинг и сын» — лучших поставщиков предметов роскоши в Ранваре, — тогда да, у нас есть отдел аппаратного обеспечения.

— Можешь достать для меня коробку тридцатимиллиметровых? С цинковым покрытием? Или, как думаешь, будет лучше взять сорок пятых без покрытия?

Даво замер на мгновение, сделав длинный вдох своим орлиным носом.

— Когда я сказал, что хотел бы более подробно обсудить винты, это был сарказм.

— Твоя ошибка, — сказал Фанни. — Сарказм работает, только когда ты не имеешь в виду то, что говоришь. Ты что, на уроке ворон считал? Ничто не превосходит истину.

— Как насчёт тебя? — обратился Даво к Брилли. — Хочешь поделиться своим опытом в столярном деле?

Брилл покачал головой.

— Я считаю, что нет смысла становиться экспертом в том, за что ты можешь заплатить другому, чтобы он сделал это за тебя.

— Ясно, — сказал Даво. — Так считать — идиотизм.

Брилл положил нож и вилку и сложил ладони вместе.

— Всякий раз, когда говорит мистер Тутт, его слова считаются воплощением мудрости, но стоит мне сделать мимолётный комментарий, и за него мне тут же собираются поджарить ноги на углях?

— Ответ на этот вопрос, — сказал Даво, — очевиден. Ты чувствуешь себя недооценённым? Горечь обиды начинает сильнее жечь твоё горло? Не стоит. Он даже не слушает нас. — Даво

кивнул в сторону Ника, который положил подбородок на ладонь и пялился куда-то на среднюю дистанцию.

— Я не сомневаюсь, — сказал Брилл, — что он слушает каждое наше слово, одновременно работая над тем, чтобы разделить вселенную пополам и собрать всё, что выпадет, в корзинку. Однако это не моё дело. Да, я полон обиды, но только потому, что я думал, что мы все выберем мастера Денкне как нашего руководителя, и вместе мы раскроем его озадачивающие прокламации и мотивации. Вместо этого я остался один, чтобы спорить с его мистифицирующими действиями, словами и, иногда, театральными взглядами. Тем временем трое из вас продолжают вести себя как жаворонки, наслаждающиеся последними днями лета. Тра-ля-ля.

Брилл поднял вилку и снова начал есть свои макароны, на этот раз агрессивно.

— Он выглядит расстроенным, — сказал Фанни. — Думаю, это страх быть брошенным, возникший из-за того, что он — единственный ребенок. Напыщенное нытьё — неопровержимое тому доказательство.

— Я тоже единственный ребенок, — сказал Даво.

— Я знаю, — сказал Фанни.

— Я думаю о своей презентации, — сказал Ник. Остальные прекратили ссориться и посмотрели на него. — Что? Разве один из вас не спросил, о чём я думаю?

— Нет, — сказал Даво. — Но ужасающим является то, что я собирался. Что ты планируешь?

— Ничего. Это не имеет большого значения. Я не стремлюсь попасть на курс Искусств. Мне просто нужно придумать что-то, что... будет эффективным использованием времени.

— Ты же не собираешься превзойти нас всех? — спросил Брилл с подавленным видом. — Заявишь, что собираешься сделать минимум, а сам создашь представление, полное волшебных огней и танцующих лошадей.

— Нет, — сказал Ник, не зная, как ответить на такое обвинение. — Никаких танцующих лошадей.

— Я не думаю, что он сделал бы что-то подобное, — сказал Даво. — Я могу, однако, представить, как в последний момент ты передумываешь, а дальше, ну, знаешь, жеребец в пачке с крыльями ждёт не дожждётся своего вызывающего бурю оаций выступления.

— Жеребец в пачке. — Фанни начал хихикать.

— Я не...

Даво поднял руку, чтобы прервать Ника.

— Намерения ничего не гарантируют.

— Жеребец в пачке, — повторил Фанни. Затем он начал задыхаться от застрявшей в горле еды. Даво ударил его по спине, а Брилл налил ему немного воды.

Из-под стола со скрипом выдвинулся стул, и все четверо прекратили делать то, что делали — в том числе и задыхаться, — глядя, как Диззи села в конце их маленького стола. У неё был поднос с обедом, в основном состоящим из оливок. Это было странно, подумал Ник, поскольку оливок в меню не было.

Они ждали, что она что-нибудь скажет, но она даже не взглянула на них. Она просто начала есть.

— Как думаете, она случайно села не за тот стол? — сказал Фанни, слегка хрипя. Его лицо покраснело во время задыхания, и до сих пор сохраняло этот цвет.

— Она ничего не делает случайно, — ответил Ник.

Возникла небольшая задержка перед тем, как Диззи пронзила очередную оливку вилкой, но иной реакции не было. Другие обедающие, замечая нового члена углового стола, начали на них коситься.

— Ты привлекаешь много внимания, — сказал Ник.

— Я? — сказала Диззи, не поднимая глаз. — Неужели тебе неудобно, когда люди смотрят на тебя?

— Люди всегда смотрят на меня, — сказал Ник. — Теперь они смотрят и на тебя.

Брилл встал со своего места, взял поднос и обошёл Ника, чтобы снова сесть по другую руку.

— Никогда не находишься между пистолетом и его мишенью.

— Мудрые слова, — сказал Даво.

— В самом деле? Спасибо.

— Совершенно очевидно, — сказал Даво, — но неоспоримо.

— Ты даже этого не можешь мне уступить, да? — сказал Брилл, слегка поникнув.

— Чьего одобрения ты на самом деле ищешь? — спросил Фанни, наклоняясь к Бриллу. — Это ведь твой отец, да? Потребность в любви отца часто приводит к тому, что единственный ребенок начинает вести себя безрассудно.

Даво кашлянул. Фанни посмотрел на него, а затем покраснел ещё сильнее. Он медленно повернул голову в сторону Диззи, которая теперь смотрела вверх. На него. Интенсивно.

— Я говорил не о... Я имею в виду, что его отец — директор, и когда твой отец занимает руководящий пост, часто бывает... Я имею в виду не твоего отца, я имею в виду всех наших отцов, ну, не все из них, но, э-э-э... Макароны немного недоваренные, тебе не кажется?

— Я не ем макароны, — медленно сказала Диззи. На её тарелке их и в самом деле не было.

— Нет? — сказал Фанни, обрадованный смене темы. — Тебя от них пучит?

Даво трясся, пытаясь сдержать свой смех. Жаром от лица Фанни можно было растапливать кузнечную печь.

Диззи повернула голову, чтобы посмотреть на Ника.

— Ты водишься со странными людьми.

Ник смотрел мимо неё.

— Как и ты.

В дальнем конце зала стояли два высоких мальчика, которые никогда не отходили слишком далеко от Диззи; их взгляды были прикованы к столу Ника с тех самых пор, как Диззи села за него.

Сильное воспоминание о том, что они сделали с Мэллори, ударило его. Мэллори, который не вернулся в этом семестре.

— Если я увижу любого из них рядом с моими друзьями, я заставлю тебя ответить за это, — обратился Ник к Диззи.

Диззи вздрогнула, ошеломлённая изменением поведения Ника.

— Я не контролирую то, что делают люди вокруг меня.

— Тогда, возможно, тебе следует, — сказал Ник, не отрывая от неё глаз.

— Не будь смешным, — сказала Диззи, уводя взгляд в сторону. — Я пришла сюда только для того, чтобы согласовать наши расписания. Поскольку у нас один и тот же руководитель, возможно, мы должны встретиться, чтобы согласовать наши презентации. Не хотелось бы охватывать одну и ту же тему.

— Разве ты не смогла догадаться, что я собираюсь делать? — спросил Ник.

— Мне не хочется делать предположения, — сказала Диззи. — Может нам встретиться в библиотеке? Я знаю, что по какой-то причине у тебя есть личная комната.

— Нет, — сказал Ник. — Мы не встретимся, и мы ничего не будем согласовывать. По какой-то причине министерство твоего отца, армия Ранвара и Королевский колледж решили, что я представляю некоторый интерес. Я им нужен. Ты им не нужна. Пока я временно привлекаю их внимание, я могу попросить их помочь мне в устранении любых раздражителей. — Его взгляд вернулся к близнецам. — Если вы или ваши друзья продолжите приставать ко мне, я воззову к их любезности, и я уверен, что моя просьба будет удовлетворена. Продолжайте в том же духе, мисс Делкруа. Притворяйтесь, что меня не существует. Это не должно быть слишком сложно для вас.

Диззи ничего не сказала, никак не реагировала и не разозлилась. Она доела оставшиеся оливки, одну за другой. Ник смотрел, вспоминая, как она хватала оливки с тарелки, когда они были детьми. Никого не спрашивая, не нуждаясь в просьбах. Затем она встала и, забрав поднос, ушла.

— Она не внемлет твоим угрозам, — сказал Фанни. — Они только укрепят её решимость.

— А ты у нас эксперт по части того, как работает женский ум, да? — сказал Даво.

— Да, — сказал Фанни, — в какой-то мере. В отличие от тебя, у меня есть сёстры, так что да, у меня есть некоторое представление о том, как работает женский ум. Это было не очень красиво.

— В самом деле? Я видел, как ты ловко обращался с мисс Делкруа. Это результат твоих многолетних исследований?

— Я не шучу, — сказал Фанни, его цвет вернулся к нормальному. — Ты лишь поощрил её стараться ещё больше, Ник.

— Всё равно не было похоже, что она собирается остановиться, — сказал Ник. — По крайней

мере, так она начнёт действовать быстрее.

— Подожди, — сказал Брилл. — Ты целенаправленно провоцировал её, чтобы её вмешательство произошло раньше? Из всего, что... Поистине, если бы неприятное поведение было романтическим достоинством, вы оба были бы созданы друг для друга. Ух, но ваши дети... ваши дети были бы монстрами. — Брилл поднял глаза, испугавшись собственных слов. — Мои извинения, я не...

— Не извиняйся, — сказал Фанни. — Это самая верная мысль, которую ты когда-либо произносил.

— Самая пронизательная пронизательность, — сказал Даво.

Брилл смотрел на них через стол в явном ожидании оплеухи, которая неизбежно следовала за их с большим трудом завоёванными похвалами. Он её так и не дождался.

После обеда они пошли в библиотеку. Ученики слонялись, взволнованно рассказывая о своих проектах. Все были на ранних стадиях, используя друг друга, чтобы озвучивать свои идеи, слишком сложные и диковинные, чтобы их можно было претворить в жизнь.

Ник был в плохом настроении. Он шёл немного позади остальных, слегка склонив голову и уставившись на землю и собственные ноги. Он чувствовал их беспокойство, но он знал, что они ничего не скажут. Он надеялся, что они приписывают его глубокую задумчивость размышлениям об академических вопросах или о чём-то, касающемся демонов. Он не хотел, чтобы они думали, что он беспокоится о девушке.

Не то чтобы у него не было достаточно работы, которая держала бы его разум занятым. Он всё ещё хотел сделать хорошую презентацию. Сдающий экзамены внутри него, как и всегда, хотел сделать всё хорошо.

Руководителя требовалось посещать раз в неделю, но, пока составлялись планы, многие ученики встречались со своими wybranными учителями гораздо чаще. Нику ещё не удалось договориться о первой встрече с директором. Он беспокоился, что Диззи прознает, когда будет их встреча, и каким-нибудь образом добьётся приглашения присоединиться к ним. Он спровоцировал её, чтобы она сделала что-то подобное, но теперь он не хотел давать ей такую возможность.

Он знал, что потерял самообладание и обошёлся с Диззи гораздо жёстче, чем это требовалось. Он не сомневался, что какая-то резкость нужна, но никак не холодная жестокость его слов. И это не было целиком притворством.

Было ли это накопившееся негодование за то, как она обращалась с ним с момента его приезда в Ренсом? Он знал, что в том, что она не разделяет его чувства, не было её вины. Достичь её, сделав это целью всей своей жизни, было его решением, и он знал о возможных

последствиях. «Вполне вероятных» подходило лучше. Но отторжение всё же причинило ему боль, и теперь он навредил ей в ответ. Из-за этого он вёл себя настолько бессердечно? Из-за этого он почувствовал трепет удовольствия, когда поставил её на место? Из-за этого ему теперь было стыдно?

Когда он был рядом с ней, в его разуме была путаница. Ему было труднее мыслить, когда она была в поле зрения, но угроза для неё сделала всё куда как проще. Он знал, что ему делать, и он это сделал. Тот факт, что он наслаждался этим, беспокоил его.

Вести себя так было мелочно и низко, но так нужно было сделать, продолжал он говорить себе. Она бы поняла, что его язвительность была искусственной. Он хотел верить, что лёгкость, с которой жестокость пришла к нему, была из-за того, что её безопасность была важнее, чем тонкости вежливой беседы. Он хорошо знал её, знал, что нужно, чтобы вызвать определённую реакцию. Она не поблагодарит его за это, но неважно, как сильно он её разозлит. Единственное, что имело значение — это держать её подальше от опасности.

Ник улыбнулся про себя и пнул камень со своего пути. Он пытался вообразить себя героем, действовавшего с благородной целью. Вряд ли она таковой была. По правде говоря, он хотел, чтобы она знала, что он спасал её, когда будет рыдать над его могилой, зная, что он пожертвовал собой ради неё. Это была нездоровая фантазия, и её крайне эгоистическая природа ему не нравилась. Мелочная и низкая.

Он должен быть лучше. Его мысли должны быть более ясными, его действия — основываться на логике, а не на эмоциях. Это будет непросто — заставить её быть в таком положении, которое он выбрал; она будет реагировать и отвечать. Он не мог позволить себе снизить бдительность. По крайней мере, она будет хорошей тренировкой для него. Дьявольские умы было трудно найти, и ему повезло, что один такой был совсем рядом и поможет ему получить опыт. С демонами, возможно, справиться будет гораздо легче.

Когда они устроились в своей личной комнате в библиотеке, Ник ушёл, чтобы найти больше информации о Ренсоне. Он выбрал школу в качестве своего проекта не по прихоти. Нет, это было нечто большее. Он не был настолько глуп, чтобы считать, что причина, по которой он стал центром внимания таких странных событий, была в нём. Особенным был не он, особенной была сама школа, он же просто был тем, кто раскопал это. Что-то в этом месте привлекло сюда демона, привело Симоль и сейчас наводило его на мысли. Всё в этом одном месте. План в тысячу лет длиной.

Чем больше он поймёт о происхождении школы, тем выше был шанс понять, что происходит. Может быть. Это была не прихоть, но очень большой прыжок во тьму.

Библиотека была наводнена учениками, и он пробрался к главному столу. Ему не нужно было поворачивать голову, чтобы знать, что Диззи сидит за своим обычным столом со своими обычными друзьями. Включая близнецов. Ревность? Это была его истинная мотивация? Он старательно игнорировал её, и он был уверен, что она поступает аналогично.

Библиотекарша была на своём месте, работая над книгами.

— Вы когда-нибудь достигаете такого момента, когда все книги находятся в хорошем состоянии? — спросил Ник, наблюдая за её работой.

— Нет. Это бесконечный цикл исцеления старых ран и появления новых. Чем могу вам помочь, мистер Тутт?

— Я хочу найти книги по Ренсому. Как он возник и почему.

— На эту тему много книг, и я удивлена, что вам нужна моя помощь.

— Я хотел... — Он остановился и огляделся. Другие ученики были слишком заняты своими делами, чтобы обращать на него внимание. Но они были не единственными глазами и ушами, которые его беспокоили. — Трудно учиться, когда так много людей смотрят на тебя.

Библиотекарша продолжала работать над переплётом большой книги из зелёной кожи. Она не выглядела покрашенной. Он задумался о животных с зелёной кожей. Крокодил?

— Знаешь, — сказала библиотекарша, — ты был таким одиноким, когда впервые пришёл сюда. Остров посреди большого океана. А теперь посмотри на себя — самый популярный мальчик в школе.

Ник не мог сказать, насмехается она над ним или нет: её лицо было таким же суровым, как обычно. Все, кто знал правду о том, что происходило в школе, — министры, маги, даже демон, — испускали ауру хладнокровия, но Ник чувствовал их глубокую тревогу. Не имело значения, насколько хорошо всё было подготовлено, поражение всегда было возможным. Эта мысль должна была где-то сидеть. Но с библиотекаршей было не так. Она излучала ту же небрежность, что и в первый день, когда он встретил её. О книгах нужно было позаботиться, всё остальное могло подождать.

— У меня теперь есть друзья, но я бы не сказал, что я самый популярный.

— Почему же, только на днях я получила несколько запросов от различных ведомств, просящих разрешения разместить своих агентов в библиотечных помещениях, чтобы быть ближе к вам. Я отказала им, конечно же, — это могло стать очень разрушительным, — но это показывает, насколько далеко вы ушли.

— Им нужно было спрашивать вашего разрешения? — спросил он, ошеломлённый.

— Конечно. Это очень давняя и многолетняя традиция, что библиотечная территория является неприкосновенной. Я сказала «традиция», но, конечно, всё это где-то записано. Древний договор между королевским домом и первым библиотекарем.

— Значит, агент правительства не может войти в библиотеку без вашего разрешения?

— Угу. — Она подняла книгу и проверила корешок.

— Даже, скажем, посреди ночи?

— Даже тогда. У библиотеки есть своя защита.

Ник огляделся, задаваясь вопросом, что это за защита. Он вспомнил, как пришёл сюда с агентом Секретной службы на хвосте и попросил его остаться снаружи. Агент послушался, и теперь Ник понял, почему.

— Это очень интересно. Спасибо.

— Пожалуйста, мистер Тутт. Я выдам вам список книг о Ренсоне, которые могут пригодиться.

— Она ушла, ни разу не подняв глаз.

Работа над презентацией была удивительно расслабляющей. Он отвлёкся от своих проблем и с головой погрузился в старые тома. Книги, предложенные библиотекарей, не имели ничего связанного с Ренсомом, за исключением нескольких строк (максимум — абзаца). Книги по строительству, любовные письма между поэтами, спортивные альманахи. Ему казалось, что он промывал золото, имея столько же шансов найти серебро, или, может быть, даже алмаз.

Они вернулись в коттедж после ужина в столовой. Ник сидел на кровати, закрыл глаза и дышал. Где-то в темноте был демон. Он прекратил попытки вызвать его, но чувствовал, что тот наблюдает за ним.

Ник вышел из своей комнаты, услышав какое-то волнение, и обнаружил, что Фанни сидит перед камином, остальные двое стоят над ним.

— Фанни отошёл от освоения плотничного дела, — сказал Даво. — Он теперь мастер-картограф.

Фанни сидел на большом листе бумаги, словно на одеяле для пикника. Это была карта школы, но вместо того, чтобы быть централизованной на основных школьных зданиях, центральной точкой был их небольшой коттедж, и всё расходилось от него. Было также большое количество булавки, воткнутых в различных зданиях.

— Это очень хорошо, — сказал Ник. — Она масштабирована?

— Конечно, — сказал Фанни. — Должна быть, чтобы мои расчёты работали. — Он постучал по деревянному детектору рядом с ним. — С ним я могу точно определить местонахождение

каждого агента Секретной службы в кампусе.

— Булавки? — спросил Ник.

Фанни кивнул.

На карте была дюжина булавок и три в коттедже.

— Разве ты только что не сообщил им, что мы знаем, где они? — спросил Брилл.

— Ага! — сказал Фанни. — И в дело вступает он. — Он взял ещё одну деревянную коробку и положил её поверх первой. — Я понял идею того, о чём рассказывал Ник, когда он увидел мистера Денкне в ванной.

— Ты много думал об этом, не так ли? — спросил Даво.

— Да, — сказал Фанни. — Вы помните, как он сказал, что агенты не могли их услышать, что они слышали совершенно другой разговор?

— Ты можешь это сделать? — сказал Брилл, ошеломлённый.

— Ну, нет, я не маг. Но я нашёл способ отразить эхо старых разговоров. Из-за этого для них будет невозможно услышать нас. Всё это всего за несколько дней!

Три мальчика, стоящие над картой, переглянулись. Это было впечатляющее достижение, без сомнений.

— А ты не думаешь, что они заметят? — спросил Даво. — У них могут зародиться подозрения, если всё, что они будут слышать — это обрывки разговоров, произошедших несколько часов назад.

— Это прототип, — защищался Фанни. — Дай мне шанс, у меня было всего несколько дней.

— Нет, это хорошо, — сказал Ник. — Теперь тебе лучше отключить его и убрать карту с глаз долой. Но это действительно здорово. Будет очень удобно, если возникнет чрезвычайная ситуация, и нам нужно будет поговорить без посторонних ушей.

— Какая чрезвычайная ситуация? — громко сказал Даво.

— Да, что ты предвидишь? — сказал Брилл. — Что-то плохое?

Ник следующие пять минут заверял их, что у него не было предчувствия катастрофы, после чего вернулся в свою комнату. В течение следующих нескольких часов он размышлял, потом встал и пошёл в комнату Фанни. Было поздно, но Фанни до сих пор работал над одним из своих устройств.

— Ты можешь использовать одно из своих устройств, чтобы найти необычные всплески арканума?

— В кампусе? — спросил Фанни. — Конечно. Я его уже прочесал. Ничего не выделяется.

— Нет, я имею в виду противоположное.

— Отсутствие арканума? В кампусе есть только одно такое место. Пагода.

— Так же, как прежде?

— О нет, — сказал Фанни. — Гораздо меньше, чем раньше. Раньше было ноль, теперь он отрицательный.

— Как арканума может быть меньше, чем нисколько?

Фанни пожал плечами.

— Он показывает отрицательное значение. Я не знаю, почему.

— Конечно, конечно. Спасибо.

Ник вернулся в свою комнату и снова начал думать. Если Симоль пыталась связаться с ним, и она не могла добраться до него здесь, в коттедже, Пагода станет следующим очевидным выбором. Именно из этого места она ушла, и было разумно, что она вернётся там.

Он вышел из коттеджа через окно спальни. Не избавиться от агентов, — теперь их так легко обмануть не получится, — но чтобы избежать его соседей. Он направился к библиотеке, затем обогнул её и пошёл к Пагоде, холодной и безжизненной, окружённой фонарями на коротких столбах. Над дверью висел знак, запрещающий вход.

У него было желание войти внутрь и проверить... он не был уверен, что именно. Он был уверен, что с ним были агенты, хотя он не видел их. Он не ожидал что-нибудь найти, но ему казалось, что он что-то упускал. Какую-то часть паззла, которую он проглядел.

Дверь была закрыта, но не заперта. Не было даже замка. Он взял одну из ламп и вошёл. Он

ожидал, что материализуется агент и остановит его, но никто этого не сделал.

Он осторожно спустился по лестнице на нижний уровень, пробрался по комнатам. Было такое чувство, что их не использовали лет сто. Что он искал?

В комнате, где он разговаривал с Теннером и профессором Веристотелем, он сел на большой стул и закрыл глаза, медленно дыша и позволяя своему разуму блуждать. Он пытался думать о Симоль, и он обнаружил, что ему было трудно вспомнить, как она выглядит. Затем он подумал о времени, когда они стояли на коленях перед красным магом, и она подмигнула ему. Её черты снова навалились на него.

— Твой друг не может связаться с тобой, — сказал тихий голос из глубин его разума.

Ник сделал всё возможное, чтобы оставаться спокойным.

— Почему она не может связаться со мной?

— Она потерялась. Хочешь помочь ей найти дорогу домой?

Ник вдохнул и выдохнул три раза, с каждым разом медленнее.

— Она потерялась и ищет путь домой или потерялась, пытаясь увести других прочь?

Была долгая пауза, во время которой Ник ещё больше замедлил своё дыхание.

— Ты стал проницательнее, детёныш.

— Ты стал ленивее, старик.

— И ты стал смелее. — В голосе звучало раздражение. — Почему ты считаешь меня ленивым?

Он вёл себя вызывающе, но при этом сам оставался открытым. Он знал это, но когда он снова получит такой шанс?

— Ты говоришь, что хочешь открыть дверь, чтобы подобные тебе могли вернуться сюда, но ты тратишь своё время на прятки, ожидая, что другие сделают работу за тебя.

— Понятно. Да, разумная оценка, но ты обладаешь ограниченной информацией. Я трудолюбивый. Всегда стараюсь. Но работу лучше всего выполняют те, кто лучше всего подходит для этой задачи. Нет нужды торопиться, когда дело доходит до правильного выполнения задач. Ты не согласен?

— Согласен, — сказал Ник. — Но когда ты хочешь, что определённые задачи выполнялись правильно, лучше всего проверить работу самостоятельно. Особенно когда ты приближаешься к концу.

— Ты думаешь, мы приближаемся к концу?

— Не знаю, — нерешительно сказал Ник. Ложь была слабостью, но как насчёт неопределённости? — Я чувствую, что он близко.

— Я тоже чувствую, что он близко. Но по-прежнему требуется жертва, чтобы открыть дверь.

— Эта жертва — я? — спросил Ник, не сумев сдержать дрожь в голосе.

— А кто ещё? Особенно учитывая, как сильно мне пришлось постараться, чтобы привести тебя сюда.

Теперь раздался весёлый смех. Теперь Ник понял, что его обманули. Желание прийти в Пагоду, которое он чувствовал, было не его собственным. Было глупо не подозревать об этом, но чувство было таким естественным, таким настойчивым. Нужно ли ему научиться сомневаться в каждом своём инстинкте? И будет ли у него ещё когда-нибудь такая возможность?

Он встал и побежал.

Земля начала дрожать.

Он почувствовал, что его лёгкие вот-вот взорвутся, и каждая клетка его существа в панике кричала. Он пытался устоять на ногах, но не смог. Грохот, катастрофический рёв шёл и сверху, и снизу. Он окружил его, пока его барабанные перепонки не были готовы лопнуть.

Он ползал на руках и коленях, пока камни падали, а мир смещался.

Тряска прекратилась.

Земля снова стала устойчивой, какой и была всегда, какой и должна быть. И потом всё упало на него сверху.

<http://tl.rulate.ru/book/4550/283708>